

Глава 1

Шум пролетающих над головой самолетов разбудил Эмму, но сон еще не покинул ее, принимая шум в свое течение. Сон был из тех, что повторяются снова и снова: первый раз он приснился ей лет в пять, но возвращался и в двадцать, поэтому Эмма понимала, что в нем скрыт некий психологический смысл, но она не пыталась в нем разобраться. Во сне она и Мад, взявшись за руки, грациозно кланялись сначала публике, а потом друг другу. Звучали оглушительные аплодисменты, несколько раз поднимался и опускался занавес, но рукоплескания все не смолкали. Ребенком в этом сне она смотрела

на Мад снизу вверх, ища у нее защиты, и обретала уверенность от ее ответной улыбки, прикосновения ее руки. Мад будто говорила: «Все в порядке, тебя никто не обидит, я с тобой — сейчас и навсегда». В школьные и отроческие годы фигура Мад — как символ защиты и опоры — уже не казалась такой грандиозной, а скорее сама Эмма выросла, и они сравнялись в достоинстве, словно изображения на разных сторонах одной монеты, и аплодисменты предназначались уже им обеим... Последний взрыв оваций — занавес опускается в последний раз, и мир театра уступает место реальности: доносится затихающий гул самолетов, летящих со стороны моря, — а она лежит в своей постели, оконная рама дребезжит, занавески развеваются, и в комнату проникает запах утра, чистый и

свежий.

Эмма взглянула на часы у изголовья и включила местную программу радио. Но вместо сигналов точного времени или голоса диктора был слышен только непрерывный гул. Видимо, где-то неисправность. Эмма попробовала настроиться на канал национального радиовещания, но и там было то же самое. По-прежнему слышался гул, да еще вдобавок ужасный треск и шипение. К черту, — она отодвинула приемник и опустила на подушку, закинув руки за голову и мысленно переиначивая гамлетовское «быть иль не быть?» — чтобы критически оценить свою собственную двойственную жизнь. Ехать или не ехать, вот в чем вопрос. Достойно ли жить жизнью Мад, деля с ней кров, или нужно порвать с ее господством и идти по новому пути, освободившись...

Только по какому пути, вот в чем загвоздка. Для девушек нет работы, независимо от того, с образованием они или без. На любую службу претендентов хоть отбавляй. Мужчины, женщины, юноши, девушки дерутся за место, хватаются за мало-мальски приличную работу, ну а с тех пор как страна пошла на попятную и покинула Европейское сообщество — разногласия между членами. Десятки послужили официальной причиной, а национальный референдум дал тогдашнему правительству подавляющее большинство, — дела, кажется, хуже некуда. По крайней мере, так говорил Папа, а он-то должен знать, ведь он управляет коммерческим банком.

— Отправляйся путешествовать, — советовал он ей. — Я плачу за все.

— Не хочу жить за чужой счет, — отвечала она. — Мне уже восемнадцать.

И вот неизбежная и тщетная попытка добиться успеха на сцене. Конечно, это все Мад. Сон сном, а пробиться не удалось. А если не сразу на вершину, тогда уж нет. Только не после аплодисментов, звучавших все ее детство. Рекламные ролики или местное радио? Нет, спасибо, леди и джентльмены, а также зрители всего мира. Мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться.

Эмма еще раз включила радио: гул не прекратился. Она поднялась с постели и пошла напустить в ванну воды. Выглянув в окошко, Эмма заметила, что на окнах комнаты младших мальчиков занавески еще задернуты. И слава богу, они, может, еще спят. Хлопнула боковая

дверь, — теперь они точно проснутся, если их уже не разбудили самолеты. Это Терри выкатил свой велосипед из флигеля — где, кстати, запрещалось его держать — и умчался по дороге. Обычно Терри с трудом вставал рано, не то что Джо, который к семи всегда был на ногах и колот дрова или копался в саду; из любопытства Эмма открыла окно и крикнула ему вслед:

— Куда ты?

Он только отмахнулся, улыбнувшись, и поехал дальше. Она уже собиралась закрыть окно, как вдруг заметила: по крыше над комнатой младших мальчиков скатываются отвалившиеся плитки шифера. Одна, другая, третья. Ею овладела ярость. Она поняла, что Энди выбрался на крышу из окна своей спальни на другой стороне дома и устроился на старой трубе,

своём излюбленном наблюдательном пункте. По-видимому, он что-то там повредил. «Этого я не потерплю». Недавний сон, столь далекий от жизни, оставил у Эммы чувство безысходности, заглушить которое можно только действиями, лучше всего бессмысленными. стакан с водой с грохотом полетел в раковину и разбился на мелкие кусочки. Это принесло ей удовлетворение, и она пробормотала: «Так ей и надо». Кому так и надо? Ей или Мад? Вода в ванне была чуть теплая — нагреватель, похоже, опять испортился. Вот к чему ведет жизнь в сумасшедшем доме, по праву носящем имя владелицы, которая, покинув сцену несколько лет назад, после блестящей карьеры, не нашла ничего лучшего, как усыновить шестерых неблагополучных

мальчишек, считая, что в этом она обретет новый смысл жизни.

«Не буду я ей больше помогать. Пусть найдет кого-нибудь другого. Не хочу губить свою жизнь. Я слишком молода».

Эмма приняла ванну и оделась — та же старая блузка, те же старые джинсы, не для кого здесь наряжаться, — потом спустилась вниз и вошла на кухню, недовольно сморщившись от запаха яичницы с беконом. Дотти настаивала, чтобы дети начинали день с плотного завтрака, иначе они не будут расти сильными; и, поскольку готовить ей приходилось самой, она и взяла все в свои руки.

Сорок лет Дотти служила у Мад костюмершей, и вот теперь эту женщину лишили милого ее сердцу мира театра и возложили на нее обязанности кухарки, уборщицы, экономки, сиделки, а также

множество других, которые приходилось выполнять по первому требованию боготворимой хозяйки. Уже давно Эмма заметила, что их почти невозможно представить друг без друга. Если память можно сравнить с фотопластинкой — а Эмме часто казалось, что это именно так, — то первым ее зрительным воспоминанием была уборная Мад в Королевском театре: Мад сидит перед огромным зеркалом, потом медленно оборачивается и поднимается, протягивая руки к Эмме, которой три или четыре года, и произносит: «Милая...», улыбаясь своей волшебной, лучезарной улыбкой, а в углу за ширмой суетится Дотти, вешая на плечики какой-то необыкновенный костюм. Мадам нужно это... Мадам требуется то... Мадам в прекрасном настроении. Мадам не в духе. Так случилось, что

«Мадам» — имя, введенное Дотти, с течением лет распространившееся по театральной иерархии, от директора, драматурга и ведущего актера до мальчиков, вызывающих артистов на сцену, и монтировщиков декораций, — в один прекрасный момент — уже никто не помнит когда — превратилось в устах ребенка в Мад. Хотя надо заметить, что сейчас, как и тогда, его разрешалось употреблять только Эмме. Если бы на это осмелился кто-то другой — разразилась бы буря.

А кстати, буря готова была разразиться в любую минуту — так решила Эмма, когда очередная волна самолетов пронеслась над головой. Им числа нет, наверное, какие-нибудь учения, и из-за них, судя по всему, не работает радио. Дотти, со своими округлыми формами, пыталась протиснуться к

окну над раковиной и посудомоечной машиной и, запрокинув голову, смотрела вверх.

— Что происходит? — спросила она Эмму. — Эти штуки не дают ни минуты покоя. Мне и будильник утром не понадобился. Еще шести не было, а уже стоял сплошной рев. Что ж они не думают о людях?

— Кто это «они»? — поинтересовалась Эмма.

Она начала накрывать мальчишкам на стол. Тарелки, ножи, вилки.

— Ну, — ответила Дотти, берясь за сковородку, — те, кто управляют, почему я знаю. Нет у них таких прав. Ну вот, еще тост сожгла. Сегодня все не ладится. Почтового фургона нет, пришлось послать Терри на велосипеде искать его. Если Мадам не получит газету вместе с соком, устроит она нам. Уже полчаса назад

могла позвонить. Эмма, детка, поторопи мальчишек, и так не справляюсь. И скажи Энди, чтобы чистил зубы пастой, а не мылом.

На миг гудение в небе стихло. Временное затишье. «Мне бы заниматься чем-то по-настоящему нужным, скажем, ухаживать за стариками, пораженными проказой, кормить толпы страждущих, пострадавших от цунами, — думала Эмма. — К черту, ерунда какая-то. Это все телевизионная хроника. Мад права: от нее теряешь здравый смысл».

В комнате младших мертвая тишина. Не могут же они спать до сих пор? Она открыла дверь. Занавески были плотно задернуты, но свет горел. В дальнем углу на перевернутом ночном горшке, как на троне, восседал Бен. На нем ничего не было, кроме перчаток и старой шляпы Мад (которую когда-

то отправили на распродажу старья, но никто на нее не позарился). Красавец, словно из черного дерева, он выглядел младше своих трех лет. Мад взяла его к себе не только из-за цвета кожи, а еще и потому, что, как ей сказали, у мальчика что-то не в порядке с языком и он вряд ли сможет научиться говорить. Увидев Эмму, он в восторге закатил глаза, поднял вверх два пальца — жест, которому его научил Терри, — и снова уставился на верх двухъярусной кровати, где спал Колин.

Шестилетний Колин был негативом черного Бена: белокожий, голубоглазый, золотоволосый — любой режиссер из миллиона кандидатов на роль младенца Иисуса отобрал бы его. Колина нашли в канаве после фестиваля поп-музыки; родителей отыскать не удалось. Мад, которая временами

страдала снобизмом, клялась, что мальчик королевских кровей; но дьявол тоже явно приложил к нему руку — за ангельским ликом скрывалось змеиное коварство. «Если кто и научит Бена говорить, так это Колин», — определила Мад и, к ужасу Дотти, отвела им двухъярусную кровать. С этого момента Колин стал для Бена кумиром, хотя пока что дара речи он так и не обрел.

— Что это ты делаешь? — с подозрением спросила Эмма.

Колин неподвижно распластался на верхней койке, накрывшись простыней и сложив руки на груди. Глаза его были закрыты. Эмма подошла поближе и тронула его за щеку: один глаз приоткрылся.

— Уйди, Эмма. Я играю для Бена умирающую Мадам, сейчас начну задыхаться и умру: вот и конец спектакля. Бен захлопает в ладоши,

а я вскочу и раскланяюсь.

— Какой ужасный сюжет, — сказала Эмма. — Сейчас же прекрати играть и одевайся — через минуту будет завтрак.

Колин помрачнел:

— И ничего ужасного. Как в жизни. Мадам сама так придумала. Мы для нее и репетируем. То есть я, — Бен у нас зрительный зал.

Эмма решила им не мешать и вышла из комнаты. Беда в том, как обычно говорил Папа, — хотя она не любила с ним соглашаться, если речь шла о Мад, — что Мад меньше всего подходит на роль воспитателя трудных детей. «Может, они и счастливы, но ведь мир, в котором они живут, это нереальный мир фантазий. Как и мой, — подумала Эмма, — как и мой, все мы одним миром мазаны, миром Мад...»

Она прошла по узкому коридору и открыла дверь в спальню средних

мальчишек. Энди и Сэма, которым двенадцать и девять, называют средними, чтобы отличить от старших Джо и Терри, которым девятнадцать и семнадцать. У средних тоже стоят койки, но комната их больше, чем у младших, и в ней ощущается характерный запах. Часть комнаты отгорожена проволочной сеткой, и за ней уже несколько недель живет старенькая серая белка, которая, по уверению Сэма, сама не прокормится. Пол усеян скорлупой от орехов. Дотти чуть ли не в слезах протестовала, уверяя, что такое соседство против всех правил гигиены.

— Какая тут может быть гигиена, — возразила ей Мад. — Сэм вырастет и станет знаменитым зоологом, получит Нобелевскую премию. Я не буду ему мешать.

Когда Эмма вошла в комнату, Сэм сидел склонившись на полу, но

предметом его забот оказалась не белка. Новый жилец, голубь, тащил по полу крыло, а Сэм увещевал гостя отведать с ладони зерна. Он оглянулся и жестом попросил Эмму не шуметь.

— Не подходи слишком близко, Эмми, — шепнул он. — Можешь напугать его. Если он признает во мне друга, то я смогу перевязать ему крыло.

Может быть. А может быть, и нет. Сэму приходилось спасать раненых птиц, но случались у него и неудачи, тогда были слезы и похороны в кустах, причем Колин, которого всегда привлекала смерть, изображал священника.

— Как это случилось? — тоже шепотом спросила Эмма.

— Он свалился с крыши. Наверно, испугался чего-то.

У Сэма было узкое, худое лицо и врожденное косоглазие — эта его

отличительная черта вызывала неловкость у тех, кто знал его недостаточно хорошо. Может быть, раньше, когда он жил с родителями, их не устраивало именно его косоглазие. Сэму изрядно доставалось, и когда Мад увидела синяки на его теле, то сразу взяла мальчишку к себе.

— Чего он испугался? — спросила Эмма. — Самолетов?

Косые глаза всегда избавляли Сэма от дознаний. По их выражению невозможно было определить, правду он говорит или нет.

— Да, — ответил он. — Похоже на то.

Открытое окно и отсутствие Энди заставляли думать иначе, но Эмма хорошо знала, что Сэм товарища не выдаст.

— Ладно, ладно, я и так все знаю. Он опять полез на крышу: я видела

оторвавшийся шифер из окна ванной.

Она подошла к окну, открыла его пошире и, крепко ухватившись за раму, высунулась наружу, напоминая со стороны самоубийцу. Квадратная труба на краю крыши давно заделана изнутри, а круглое отверстие, через которое когда-то выходил дым от огромной кухонной плиты, оказалось прекрасным наблюдательным пунктом для отчаянного мальчишки; он отлично замаскировался, и его присутствие выдавали только выглядывавшие спутанные волосы, больше похожие на воронье гнездо, и, устроившись так, он, как господин, наблюдал за всеми с высоты, что временами действительно давало ему перед ними преимущество.

— Слезай, — приказала Эмма. — И я повторять не буду.

Воронье гнездо шевельнулось.

Показался и лук Энди. Эмма не могла представить, как Энди смог не только вскарабкаться по крутому склону крыши, но и притащить с собой один из охотничьих луков, которые мальчишкам трогать запрещено и законное место которых в холле.

— Подарены фельдмаршалом, — хвалилась Мад. — Стрельба из лука — его любимое занятие. Много лет он был одним из самых больших моих поклонников.

— Вот и неправда, — шептал Эмме Папа, — она купила их на ярмарке в Баттерси.

Как бы там ни было, но стрелы были смертоносны. Из трубы показались голова и плечи Энди. Он улыбнулся Эмме своей обаятельной улыбкой.

— Я только слегка задел этого голубя. Случайно. Я хотел отпугнуть самолеты, но они

слишком высоко. Потом пролетели вертолеты, и, будь они хоть на пару сотен футов пониже, я бы достал пилота.

— Не везет тебе на охоте, — насмешливо бросила Эмма. — Теперь спускайся и положи лук туда, откуда взял.

— Но он мой! — возмущенно крикнул Энди. — Мне Мадам его дала, ты что, не знаешь?

Эмма пожала плечами и прикрыла окно. Просто невозможно навести хоть какой-то порядок. Того и гляди, кого-нибудь застрелят, и винить в этом нужно будет не Дотти, не ее и не мальчишек, а Мад. Ну а Энди — кто бы мог ожидать, что ребенок, чудом выживший в авиакатастрофе, в которой погибли его отец, мать и старшая сестра, — это была диверсия, бомба взорвалась вскоре после взлета, — задумает претворить в жизнь идею,

пусть и невыполнимую, сбить самолет с экипажем. И глазом не моргнет. Это лишний раз доказывает... Что? Эмма вернулась на кухню.

— Говорю тебе, все сегодня не ладится, — заметила Дотти, раскладывая по тарелкам яичницу с беконом. — Телефон не работает. Я хотела позвонить мяснику, а в трубке ни звука. Не представляю, что скажет Мадам. Милочка, будь добра, отнеси ей, пожалуйста, сок. Мне сейчас никак к ней не пойти. Одно к одному. Обожди-ка. Вон Терри везет наконец-то почту.

Велосипед, как всегда, лихо затормозил, затем полетел на землю у кухонного окна. По ступеням застучали шаги, и в комнату ворвался Терри — щеки его покраснелись под цвет рубашки. У него байроновская внешность: точеный профиль и буйные кудри,

и, хотя ему едва исполнилось семнадцать, по нему вздыхали все девчонки в округе. Беда только, что его мать-наркоманка, не зная даже имени его отца, в порыве отчаяния вскрыла себе вены, и Терри остался с ней один на один, куда его не нашла соседка. Он бегал из всех приютов, пока его не спасла Мад. Это случилось несколько лет назад. Терри стал первой находкой Мад и не позволял забывать об этом.

— Вы себе не представляете, — обратился он к Дотти и Эмме. — Я не смог отъехать дальше проселочной дороги. Всюду солдаты. Перегорожено все шоссе. Мне близко подойти не дали — замахали на меня. А вертолеты так и носятся над головой, просто ад какой-то. Здорово, будто по-настоящему война. А где Джо?

Звуки, доносившиеся из подвала,

были ему ответом: товарищ его занят, как обычно, своим любимым делом — готовит дрова для камина Мадам. Пусть хоть мир перевернется, в саду приземлятся вертолеты, — ничто не отвлечет Джо от добровольно взятой им на себя обязанности служить Мадам.

— Неужто дорогу перегородили? — воскликнула Дотти. — Что-то еще придумают? Терри, а почтовый фургон видел?

Терри посмотрел на нее и фыркнул:

— Ты что, спятила? Как он проедет мимо постов? А солдаты еще и по телеграфным столбам лазают, делают что-то с проводами.

Хлопнув дверью, он побежал вниз к Джо.

— Теперь понятно, почему не дозвониться до мясника, — сказала Дотти. — Ох и разозлится же Мадам, когда узнает об этом. Вот

на, бери сок. — Она протянула Эмме аккуратно сервированный поднос.

— Не пойму, почему же она до сих пор не зовет меня. Ты сказала Энди, чтобы он почистил зубы?

Эмма не ответила. До зубов ли Энди теперь, когда происходят такие странные события, которые неизбежно вконец испортят настроение Мад. Эмма медленно поднялась по лестнице, ей не нравилось поручение, ведь такие несчастливые перемены, если только они не задуманы специально хозяйкой, всегда плохо отражаются на домашних. Эмма приостановилась на верхней ступеньке. Табличка «Не беспокоить», болтавшаяся на ручке двери, перевернута обратной стороной. «Оставь надежду, всяк сюда входящий» — цитата из «Ада» Данте, которую в давние дни

повесил на дверях артистической уборной Мад один из ее партнеров как предупреждение для незваных гостей.

Эмма кашлянула, постучала в дверь и вошла в спальню своей бабушки.

Глава 2

Мад уже поднялась. Поднеся к глазам бинокль, она сидела в кресле у открытого окна, выходящего на залив. Она уже облачилась в свой наряд, если так можно назвать ее всегдашнюю одежду: нечто среднее между костюмом Робин Гуда и формой усопшего Мао Цзэдуна. Одежда эта была вполне по погоде для ноября на корнуолльском побережье, если вы собирались участвовать в соревнованиях по стрельбе из лука или помыть паровоз. Насколько было известно Эмме, Мад не планировала заняться ни тем ни другим, — опять же, как знать, что принесет новый день?

— Дотти извиняется, — начала

Эмма. — Неудачное утро. Я надеюсь, ты проснулась недавно? То эти ужасные самолеты, а теперь еще Терри говорит, что на холме перегородили шоссе, кругом солдаты. Большие учения, судя по всему. Почтовая машина до нас добраться не смогла, телефон не работает, и даже радио молчит. Я принесла тебе апельсиновый сок, дорогая.

Она поставила поднос на письменный стол у окна. Мад молчала. Приставив к глазам полевой бинокль, она была увлечена наблюдением. Впрочем, Мад всегда любила смотреть на корабли, стоящие на якоре у входа в порт. Ей казалось, что она может узнать принадлежность любого судна по силуэту, а не только по флагу, но сегодня задача была потруднее. Торговых судов, стоявших обычно под погрузкой глины, не было. На

якоре стоял только военный корабль, но слишком далеко, чтобы что-нибудь определить по флагу, которого совсем не видно, или по силуэту. Даже без бинокля Эмма сообразила, что снующие взад-перед вертолеты поднимались с его палубы.

— Все равно не понимаю, — продолжала Эмма, — с какой стати из-за морских маневров нарушать покой всего побережья, глушить радио, отключать телефон и прекращать доставку почты.

Мад опустила бинокль и потянулась за апельсиновым соком. Эмму озадачило, что бабушка, вместо того чтобы возмущаться и требовать, чего можно было бы ожидать в связи с необычными событиями сегодняшнего утра, встретила ее задумчивой, даже мрачноватой. Ее точеный профиль, который с юности в течение всей ее

театральной карьеры появлялся на открытках всех стран мира, теперь казался неожиданно резким, орлиным. Стриженная седая голова с завитками волос на шее придавала Мад вид не знаменитой красавицы-актрисы, которая через две недели, празднуя свое восьмидесятилетие, будет, грациозно раскланиваясь, принимать букеты и корзины цветов из «Интерфлоры», но скорее вид старого воина, скажем римского легионера, который после долгих лет мирного отдыха поднял голову, почувствовав знакомый запах битвы.

— Это не морские маневры, — произнесла Мад, — и даже не совместные учения. Джимми Джолиф позвонил бы и предупредил меня за несколько дней.

Адмирал Джозеф Джозеф, главнокомандующий из Девонпорта, — сын старинной,

давно умершей подруги Мад, поэтому они обмениваются поздравлениями на Рождество. Однажды он даже обедал у Мад. Эмма сомневалась, что адмирал стал бы звонить бабушке, предупреждая о возможных неурядицах с почтой и телефоном, но кто знает...

— Дорогая, вероятно, учения должны быть как настоящие, чтобы произвести впечатление, — предположила Эмма. — Иначе это просто трата времени. Хорошо, что в школе сейчас каникулы и мальчишкам не надо идти на автобус, — они бы опоздали.

Мад повернулась и, неожиданно улыбнувшись, посмотрела на внучку. В ее улыбке, во взгляде сверкающих голубых глаз было сознание собственной правоты.

— Скажи Дотти, чтобы дала им на завтрак двойные порции яичницы с ветчиной. Может, им целый день

не придется поесть как следует.

— Что ты, Мад, я...

— Я не шучу. Пусть лучше не выходят из дома. Не только младшие, но и Джо с Терри тоже. Не разрешай Энди лазать на крышу, пусть поможет Сэму убрать комнату, если только белка не испугается.

— Утром там был еще и голубь,
— пробормотала Эмма, чувствуя себя доносчицей.

— Да? — Мад вновь задумалась.
— Интересно. Может, почтовый? У него не было записки под крылом?

— Крыло сломано. По крайней мере, волочится.

— Хм. Может, это знак...

Проблема в том, что при общении с Мад невозможно определить, играет она или нет. Нынешняя ее жизнь часто представляла собой тонкую игру в воображаемое — то ли для развития фантазии у

мальчишек, то ли для собственного развлечения теперь, когда кровь уже не бурлила, как в молодости, — Эмма никогда не могла этого понять. Папа говорил, что это ни то и ни другое, а просто — привычка, вроде чистки зубов по утрам: матери нужно давать ежедневно по два представления в память о давно умерших зрителях. Если задуматься, то слова Папы жестоки, но ведь Папа — банкир, ему не до сантиментов.

— Смотри. — Мад вдруг показала на распаханное поле за оградой сада. — Какие-то люди идут с берега, похоже, высадились откуда-то. Я не помню, как их там сейчас называют; раньше называли не то десантерами, не то саперами, или как-то так. Беги скорей вниз и передай мой строжайший приказ: никому, повторяю, никому из дома не выходить. Через минуту я

спущусь и проконтролирую сама, только посмотрю, куда направляются эти люди. И что бы ни случилось, не выпускайте на улицу Фолли.

Фолли — это четырнадцатилетняя сука, далматинка, слепая на один глаз и почти глухая, которая лежала в кресле в углу библиотеки и редко сходила с места, за исключением походов во двор два раза в день: там она усаживалась на лужайке, пожелтевшей и засохшей от такого собачьего внимания.

Выходя, Эмма обернулась и застыла в изумлении. Бабушка права. За окном *были* люди: солдаты в касках, в нелепой маскировочной форме, которую носят в войсках всех стран, веером рассыпались по полю и шагали с винтовками наперевес.

— Поняла, — Эмма засмеялась,

потому что вдруг ей все показалось таким ясным, — это кино, они снимают фильм, ведут съемки на открытой местности. А те люди на холме, что возились с телефонными проводами, вовсе не солдаты, а кинооператоры. Ой, они напугают собаку!

Спрай, колли с фермы, настоящий кудесник в обращении с овцами, боялся всех громких звуков: и раскатов грома, и низко пролетающих самолетов. Он, по всей видимости, убежал из своего безопасного пристанища в усадьбе за холмом и стремглав мчался через поле перед надвигающимися солдатами. Один из них приостановился и прицелился, но не выстрелил. В это время над крышей заревел очередной вертолет, Спрай в страхе развернулся навстречу наступающему солдату и отчаянно залаял, как и полагается лаять на

незванных пришельцев, — и тогда солдат выстрелил.

— Черт бы его побрал! — выкрикнула Мад.

Спрай из хранителя хозяйского стада превратился в нечто изорванное и кровавое, даже и не похожее на животное. Мад положила бинокль, встала из кресла и прошла по комнате.

— Кино, говоришь? — бросила она Эмме и первой начала спускаться по лестнице.

Не может быть, с недоумением думала Эмма. Солдаты не стреляют в животных, а, наоборот, любят их, они им служат талисманом. В этот момент Эмма услышала, как Мад, еще не спустившись с лестницы, резко позвала: «Сэм, подойди ко мне!» Раздался звук распахиваемой входной двери, и с верхней ступеньки лестницы Эмма увидела маленькую фигурку Сэма, бегущую

через лужайку к воротам, по дорожке, через сад и дальше в поле, — Сэм видел, что произошло. Он отправился на выручку своему другу, собаке Спраю. Истерика, паника — Эмма впервые в жизни впала в такое состояние. Если эти люди стреляют в животных, то они могут стрелять и в детей.

— Сэм! — закричала она и, спотыкаясь, сбежала вниз по ступеням. — Сэм...

Затем Эмма почувствовала на своей ладони руку Мад. Успокаивающую, жесткую и прохладную.

— Не волнуйся. Они прогонят его. Тот, кто застрелил Спряя, не повторит своей ошибки. У него и так будут неприятности с командиром взвода, или кто там командует этим странным отрядом.

По щекам Эммы катились слезы. Внезапная ужасная сцена убийства

собаки, которую они все знали, которая прибегала поухаживать за Фолли, когда у той случалась течка, и Сэм, сломя голову бегущий навстречу смертоносному огню, — все это не из ее привычного мира, это кошмар.

— Как ты можешь оставаться спокойной? — всхлипывала Эмма.
— Как?

Она взглянула на поле за садом. Сэм уже добежал до живой изгороди, когда один из военных, приближавшихся с противоположной стороны, бросился вперед и заговорил с ним. Он положил Сэму руку на плечо. Сэм обернулся и показал на дом. Военный как будто засомневался на секунду, затем отдал какой-то приказ стоявшим сзади и пробрался сквозь кусты. Сэм последовал за ним, и они медленно прошли по саду, направляясь к дому.

Остальные продвигались по вспаханному полю — кто к лесу, кто к выпасу вдоль дороги к шоссе. Из кухни доносились громкие возбужденные голоса спорящих. В холле появилась взволнованная Дотти, за ней Терри.

— Что происходит? — выпалила она. — Мы услышали выстрел, и Сэм крикнул что-то про собаку. Но это ведь не Фолли? Сэм так бросился к дверям, что я не смогла его удержать.

— Я его из-под земли достану, — перебил Терри. — Эти парни все заполонили, посмотри только, как они шагают, вон идут по выпасу. Вот гады! Положитесь на меня, Мадам, я с ними разберусь, я...

— Ничего подобного, — остановила его Мад. — Делай, что я тебе скажу. Возвращайся на кухню и жди там. Ты, Дотти, тоже. А Джо пришлите ко мне. Кто-то должен

побыть с Сэмом. Произошло несчастье. Никому из детей без моего разрешения на улицу не выходить!

Терри развернулся, бормоча что-то себе под нос. Дотти заколебалась на мгновение, прошептала: «Да, Мадам» — и удалилась. Мад сжала губы, как бы собираясь свистеть, — сигнал опасности для тех, кто ее знал... Солдат с Сэмом пересекли сад. Вот-вот они появятся в воротах за лужайкой. Кто-то тронул Эмму за плечо. Джо. Он молчал, но глаза его смотрели на нее вопросительно. Джо уже девятнадцать, он самый старший в приемной семье Мад и самый надежный. Его открытое, честное лицо было бы красивым, если бы не неправильные черты, длинная верхняя губа и шрам у правого глаза. Он не сирота и не незаконнорожденный. Единственный ребенок в семье, Джо

так и не научился читать и писать — причины такой неспособности были не изучены: в то время, когда Джо пошел в школу, его родители, сами школьные учителя, не справившись с этой проблемой, эмигрировали в Австралию, оставив Джо на попечение бабушки, которая потом умерла. «Если бы не Джо, — временами поговаривала Мад, — я бы не выдержала. Кроме самой себя, я могу положиться только на него». Мад никогда не приходилось подолгу что-либо втолковывать Джо: он быстро схватывал и четко выполнял все инструкции.

— Они застрелили Спрая, — сказала Мад. — Сэм этого не простит, он ужасно расстроен. Отведи его побыстрее в комнату и побудь с ним. Помоги ему с голубем, что волочит крыло. Я разберусь с военным.

Она выхватила трость из стойки у

входа в холл, и на какую-то секунду Эмма с ужасом подумала, что бабушка собирается напасть на солдата, — тот открыл калитку и шел по тропинке через сад.

— Осторожней, — невольно произнесла Эмма.

— Не волнуйся. Если они не стреляют в мальчишек, то и старушек не тронут... пока что.

Мад сошла по ступеням в сад, поддерживаемая Джо. Эмма, в которой любопытство одержало верх над страхом, осмотрела гостя. Если отбросить военное снаряжение и оружие, то в нем не было ничего примечательного. Судя по всему, держится не совсем естественно, немного волнуется. Сэм не плакал. Он, похоже, был в шоковом состоянии. Джо подошел к нему и отвел в дом, не сказав ни слова. Солдат остановился, вытянулся и отдал честь. «Это он, должно быть,

по привычке, — подумала Эмма, — не мог же он ожидать, что навстречу ему выйдет такая старая женщина, да еще как две капли воды похожая на Мао Цзэдуна».

— Извините за собачку, мэм. Один из моих людей виноват, неправильно оценил ситуацию.

Удивительно. Американский акцент. Так что это действительно какие-то совместные учения. Эмма взглянула на бабушку, которая не выразила никаких эмоций.

— Это не моя собачка. Ее хозяин мистер Трембат, фермер, и это очень ценная собака, точнее, была такой.

— Фермеру выплатят компенсацию, мэм, — ответил солдат. — Все сведения о нанесенном ущербе будут рассмотрены быстро, и меры будут приняты. Пока что я порекомендовал бы вам не

выходить из дома до получения соответствующего извещения. Благодарю за внимание, мэ.м.

Он снова отдал честь, но эти любезности на Мад не подействовали. Она шагнула вперед по садовой дорожке, и солдат был вынужден отступить на шаг.

— Не могли бы вы объяснить мне, что происходит? — произнесла она громко и отчетливо, словно обращаясь к последнему ряду галерки.

— В стране введено чрезвычайное положение, мэ.м. Слушайте местное радио или смотрите телевизор. Где-то через час передадут важное сообщение. Всего хорошего, мэ.м.

Щелкнув каблуками, он развернулся, пошел по тропинке, захлопнул за собой калитку и бодро зашагал по дорожке к шоссе. Его братья по оружию уже удалились в

том же направлении.

— Что он такое сказал о чрезвычайном положении? — спросила Эмма.

— То и сказал, — сухо ответила Мад. — Сделай мне чашку кофе — и передай Дотти, чтобы она продолжала подавать завтрак. Сейчас ровно девять тридцать пять. Если он говорил правду, то в десять передадут какое-то сообщение. Включи к этому часу радио на кухне, хорошо? Я включу телевизор. Если будет что-то интересное, я крикну тебя и мальчишек. Это касается нас всех, детей и взрослых.

Эмме ничего не хотелось есть, даже хлопьев. Невозможно забыть, как испуганная, загнанная собака мгновенно превращается в ничто. Цепь за цепью, люди поднимались на холм. Сэм все еще находился в состоянии шока...

На кухне завтракали, но

атмосфера была напряженной. Терри, получив от Мад выговор, выглядел мрачно, его красивое лицо потемнело от обиды. Энди, без всякого объяснения изгнанный из комнаты, которую он делил с Сэмом, был явно расстроен. Дотти сидела во главе стола с каменным лицом. Эмма нагнулась к радиоприемнику и включила его. Передавали «Край надежды и славы»⁵⁵.

— Мад считает, что в десять будет какое-то сообщение, — пояснила Эмма. — Солдат, который привел Сэма, сказал, чтобы мы слушали радио. Еще он сказал, что в стране введено чрезвычайное положение и никто не должен выходить из дома.

«Я должна быть спокойной, — думала она, — теперь ответственность лежит на мне. Это все равно что быть заместителем

Мад, но не как в обычные дни. Сейчас кризис».

— Чрезвычайное положение? — Дотти разинула рот. — Мы что, воюем?

— Не знаю. Он не сказал. Кстати, этот солдат американец.

— Янки? — Терри, выйдя из подавленного состояния, вскочил на ноги. — У баррикады на дороге засели янки? Какого черта им здесь надо? То есть понимаешь, если высадутся русские, чем поможет это паршивое ограждение? Даже я смогу пройти, если надо, не говоря уже о русских.

— Но если у янки оружие, ты не полезешь через баррикаду.

Энди попал в точку, и Терри на секунду замолчал в замешательстве.

— Ну а зачем янки оружие против меня? — спросил Терри. — Я же ничего такого делать не буду.

— А может, ты побежишь, —

сказал Энди. — Как Спрай.

Наступила тишина. Каждый волей-неволей вспомнил об утреннем происшествии. Даже Колин задумался. Когда Джо поднимался с Сэмом наверх, он шепнул Колину, что случилось несчастье, пострадала собака с фермы, но Колин тогда не понял, что это связано и с ревом самолетов, и с возбужденным рассказом Терри о солдатах.

— Эмми, — медленно произнес Колин, — выходит, американский солдат стрелял в Спрая?

За Эмму ответил Энди:

— Да. Более того, он убил его.

— Это несчастный случай, — торопливо сказала Эмма, — солдат приходил извиняться.

— Но если не работает телефон и нельзя выходить из дома, то как тогда сообщить о несчастье мистеру Трембату? — заволновался Терри.

— Он будет так горевать, да и все они, особенно Миртл.

Миртл пятнадцать лет, и Терри сейчас с ней встречается.

— Послушайте-ка, я проскочу на ферму через поле, я быстро — пять минут, и все.

— Нет, — запретила Эмма. — Нет...

Терри ответил дерзким непокорным взглядом, потом засунул руки в карманы и пнул ножку кухонного стола. Но заспорить он не успел, потому что музыка по радио прекратилась и диктор произнес: «В десять часов после сигналов точного времени будет передано важное сообщение».

— Вот и оно. — Эмма схватила поднос с кофе. — Идите все в библиотеку. Мад велела, слушаем по телевизору. Энди, позови Джо и Сэма.

Она выбежала из кухни. Дотти и

мальчишки последовали за ней. Бабушка сидела в кресле, в своем убежище, готовая в любой момент нацепить на нос очки для дали. Телевизор был уже включен. Передавали картинку доселе невиданную: два флага рядом — «Юнион Джек» и «Звезды и полосы». Колин устроился у Мад в ногах на скамеечке, посадив Бена к себе на колени.

— Что, будет фильм про ковбоев?
— спросил он.

— Тише, — попросила Эмма.

Вошел Джо, держа за руку Сэма, и они присели возле Терри и Энди на подоконнике. Дотти, взглянув на Мад, пододвинула стул и села. Эмма примостилась на подлокотнике дивана. Два флага померкли, уступив место диктору, испуганному и нервному, утратившему свой обычный жизнерадостный вид.

— Доброе утро, зрители юго-запада Англии, — произнес он. — Говорит телестанция Плимута. По независящим от нас обстоятельствам ранее объявленные утренние передачи не состоялись. Причину этого вам объяснит контр-адмирал сэр Джеймс Джолиф, командующий западной группой войск, который сейчас со мной в студии. Пожалуйста, адмирал Джолиф.

Камеры переключились на лысого адмирала, который регулярно присылал Мад открытки на Рождество и однажды даже у нее обедал. В форме, украшенной наградами, он выглядел более грозно, чем два года назад, когда в шортах и широкой футболке играл на лужайке с мальчишками в бадминтон.

— Да этот старикан друг Мадам!
— восторженно заорал Колин, и

Бен, сидевший у него на коленях, заплодировал. На этот раз Дотти сказала:

— Тише!

Лицо Мад сохраняло бесстрашие, но очки уже прочно обосновались у нее на носу.

— Здравствуйте! — Голос у адмирала Джолифа был озабоченный, но не чересчур, и Дотти подумала, что, по крайней мере, дела не так уж плохи: Букингемский дворец не лежит в руинах, и жизнь любимой королевы вне угрозы. — Начиная с полуночи, — продолжал он, — в нашей стране введено чрезвычайное положение. На территории всего Соединенного Королевства приняты меры по обеспечению безопасности населения, нормального снабжения энергией и функционирования основных служб. Однако временно приостановлена работа почты.

Сроком на двадцать четыре часа или, возможно, несколько дольше прекращено движение поездов. Телефонные станции будут принимать только экстренные вызовы. Все, за исключением лиц, занятых на работах особого значения, до получения дальнейших инструкций должны оставаться дома или незамедлительно вернуться к месту жительства, если они куда-либо выехали. К сожалению, в настоящее время я не уполномочен ничего добавить к вышесказанному. Тем не менее хочу подчеркнуть, что причин для паники нет. Повторяю, никаких причин для паники нет. Авиационные отряды, которые вы утром наблюдали в небе, дружелюбны нам. В Ламанше находится шестой флот США. Войска, которые вы, возможно, видели в городах и портах, являются частью

вооруженных сил США и размещены в Соединенном Королевстве с полного нашего согласия. Сохраняйте спокойствие. Следите за радио- и телепередачами, и благослови вас Господь.

Лицо адмирала исчезло с экрана. Вновь появились два флага. Вместо «Края надежды и славы» заиграли «Звездное знамя»⁵⁶. Мад поднялась с кресла, сняла очки и выключила телевизор.

— Это все? — разочарованно протянул Колин.

— Пока да, — сказала Мад, — и этого более чем достаточно.

Все вскочили на ноги. Каким-то напряженностью разрядилась, по крайней мере у младших членов семьи, — будто после рождественской речи королевы. «Что же мы будем делать теперь?» — подумала Эмма. Сэм

нагнулся к старухе Фолли, которая, лежа в единственном удобном кресле, не считая кресла Мад, яростно скребла левое ухо.

— Все в порядке, Фолли. В тебя стрелять не будут. Ну а если кто-нибудь попробует, то Энди с ним разберется.

— Правильно. — Губы Мад опять сложились словно для того, чтобы свистнуть.

«Нет, — подумала Эмма, — только не это, если она будет так настраивать мальчишек, они доведут нас до беды. Бог знает что может случиться». Она подняла брови, делая знаки Дотти, которая начала выпроваживать из комнаты младших мальчиков.

— Можно я сбегаю на ферму, расскажу о Спрае? — попросил Терри.

Мад бросила на него взгляд. Взгляд, настороживший Эмму.

Похоже, что бабушка и первый из ее приемных детей что-то скрывают.

— Нет, еще не время, — не разрешила Мад. — Я скажу, когда можно.

Эмма подумала, сколько еще будет отключен телефон, скоро ли все вернется на круги своя, так как первым делом нужно позвонить в Лондон Папе. Он-то знает, что происходит, он знаком со многими высокопоставленными людьми, не только с банкирами, но и с министрами, с сильными мира сего, ну и тогда он посоветует Мад не предпринимать ничего безрассудного. Страшно то, что никогда не угадаешь, что может выкинуть бабушка.

Младенец Иисус, сжимая ладошку младшего чернокожего брата, на секунду задержался в дверях.

— Вот что я хочу знать.

Американские солдаты хорошие или плохие?

Вопрос был адресован Мад.

Она ответила не сразу. Начала тихонько что-то насвистывать. Затем улыбнулась Колину. Не той знакомой всем поклонникам улыбкой с открыток, а медленной, коварной улыбкой римского легионера.

— Именно это, мой мальчик, я и собираюсь выяснить.

⁵⁵ Марш английского композитора Эдварда Уильяма Элгара (1857–1934). — *Здесь и далее примеч. перев.*

⁵⁶ Американская патриотическая песня на стихи Фрэнсиса Скотта Ки. С 1931 года — государственный гимн США.

Глава 3

День проходил, но вовсе не по заведенному распорядку. Уборка и прочие обязанности выполнялись спустя рукава, с неохотой, все были взвинчены. Мад опять поднялась к себе наверх, к окну, и пребывала в необщительном настроении, сидя сгорбившись, с биноклем в руке. Военный корабль продолжал стоять на якоре.

— Что происходит, как ты думаешь? — не выдержала молчания Эмма.

— Дорогая, я бы сказала тебе, если бы знала. Не задавай глупых вопросов. Займись чем-нибудь.

Эмма не понимала, как Мад может там сидеть, когда

окровавленные останки Спрая еще лежат посреди вспаханного поля. Каждый раз, поднимая бинокль, чтобы посмотреть на корабль, она не могла не видеть и их.

«Дети и старики, — подумала Эмма, — воспринимают мир не так, как мы. Способность чувствовать появляется лет в восемь-девять, как у Сэма, и боль будет терзать лет до пятидесяти; потом она понемногу отпускает, и человек становится бесчувственным».

Но тогда Мад ничего не чувствует уже лет тридцать, а вот этого быть не может. И Папа, которому через год будет пятьдесят, значит, уже на пороге. Это зависит от человека, решила Эмма. Может быть, бесчувственность передается по наследству, как седина в тридцать лет или рак, как у ее матери, которую Эмма едва помнила, потому что та все время

лежала по больницам.

— Если бы она жила дольше, — нередко спрашивала Эмма у бабушки, — стала бы я другой?

— Нет, — говорила Мад, — с какой стати?

— Ну есть же влияние матери, материнская любовь... — пыталась объяснить Эмма.

— Я давала тебе это.

— Да, но...

Эта несчастная женщина в розовой больничной пижаме, конечно, любила мужа и дочь, однако страдания вырвали ее из жизни, как Эмилию Бронте...

Однажды Эмма спросила:

— Ты мне толком не рассказывала. Какая она была? Не внешность, а все остальное?

Мад посмотрела внучке прямо в глаза и ответила со свойственной ей пугающей прямоотой:

— Дорогая, она была славная, но,

честно говоря, ужасно глупая. Не могу понять, что в ней нашел Папа.

С тех пор, когда Эмма говорила какую-нибудь нелепость, разбивала тарелку или забывала заправить машину — она чувствовала, что похожа на мать и что Мад ее за это презирает. Это усложняло жизнь.

Чуть позже, когда она шла в столовую убрать посуду за Мад после обеда (обычно они ели вдвоем, но сегодня Эмме показалось, что лучше побыть с Дотти на кухне, помочь ей с мальчишками), она увидела, что еда осталась нетронутой, а в столовой никого нет. Бабушка, наверное, ушла опять к себе в спальню, и, мучаясь угрызениями совести, — может, ей стало плохо, — Эмма побежала вверх. В спальне тоже никого не оказалось. Эмма выглянула в окно и увидела склоненную фигуру Мад в поле.

Бабушка копала землю садовой лопатой Джо. То есть только что закончила копать. Сейчас она засыпала землей яму, а того, что когда-то звалось Спраем, уже не было. Закончив, она оперлась на лопату и посмотрела на море. Военный корабль по-прежнему стоял на якоре, и часть вертолетов вернулась на борт. На мрачном ноябрьском небе проглядывали лучи солнца. На кормовом флагштоке ясно вырисовывался звездно-полосатый флаг.

Мад повернулась и медленно пошла по дорожке, ведущей к саду. Эмма спустилась вниз по лестнице. Лучше промолчать. Лучше притвориться, что ничего не видела. Она спряталась в туалете на первом этаже и подождала, пока бабушка вернется в дом и сбросит ботинки в прихожей. Затем Эмма услышала, как Мад, пройдя в библиотеку, зовет

Фолли. Эмме было понятно, что последует за этим. Мад отдаст еду Фолли и никому об этом не скажет, так что Дотти подумает, что она пообедала. И Эмма угадала. Покинув укрытие и войдя в библиотеку, она увидела, что Мад ищет очки, а Фолли облизывается.

— А, вот и ты, дорогая. Я тебя искала.

«Лгунья, — подумала Эмма. — Обманщица, невыносимая лгунья, но любимая».

— Передай Дотти, что мясо очень вкусное, но овощи съесть не смогла — я не слишком проголодалась.

«Я бы тоже не испытывала голода, — подумала внучка, — только что похоронив растерзанную собаку».

— В новостях в тринадцать часов ничего интересного не было, — сказала Эмма, — повторили выступление адмирала. Мы

переключили на новости из Лондона, но и там то же самое. Только выступал главнокомандующий сухопутными войсками, генерал какой-то. Слова чуть другие, но в остальном точь-в-точь.

— Я знаю. Я тоже смотрела.

— Может, в Лондоне вообще что-то безумное творится? Как ты думаешь, чем занят Папа?

— Ходит по коридорам власти. Если осталась какая-либо власть.

Эмме всегда было интересно, почему ее бабушка до последнего выгораживает своих приемных мальчишек, помогает им и покрывает все их проступки, но своего собственного сына нередко осуждает. Раньше она говорила, что Папа хвастун. И это свое качество он унаследовал не от нее, часто повторяла она, и не от отца-драматурга, который всегда

оставался веселым и оригинальным, а похоже, что от прадедушки-священника, который так и не дослужился до епископа. Мад всегда настаивала на том, что ее сын Виктор только делает вид, что знает всех в верхах, держит руку на пульсе всего мира и что самые высокопоставленные люди обращаются к нему за советом по всем вопросам — от банковского дела до политики.

— Но, может, это и правда, — защищала Эмма отца.

— Чепуха, — отвечала Мад. — Если я прошу у Вика совета, он всегда неправильный. Как-то раз он заставил меня купить какие-то акции на бирже ценных бумаг — и они тут же упали в цене. С тех пор я его не слушаю.

— Но это же было так давно!

— Не важно. На его советы положиться нельзя.

Вдвоем они прошли в музыкальную комнату, называемую так из-за рояля, на котором никто никогда не играл. Но это была любимая комната Мад, и она всегда держала в ней цветы, хотя бы засушенные гортензии. По комнате развешаны фотографии Мад в различных ролях, и Эмма в душе считала это тщеславием, но в старости, наверное, приятно вспомнить молодые годы, когда ты была знаменитостью.

— Послушай, — Мад бросила в камин полено, аккуратно распиленное Джо. — У меня такое чувство, будто Папа знал, что что-то должно произойти.

— То есть? — спросила Эмма.

— Несколько дней тому назад у нас с ним был очень странный разговор по телефону, я сразу хотела тебе рассказать, но забыла. Он твердил, что нам с тобой надо на

пару дней поехать в Лондон и погостить у него, так как многое нужно обсудить, а когда я предложила ему приехать сюда, он ответил, что это сделать тяжело, и он, хм, мне так показалось, что-то скрывал. Я ответила, что об этом не может быть и речи: как оставить Дотти управляться со всей оравой, особенно во время каникул, и он сказал: «Черт с ней, с Дотти, и с детьми. Смотри, не пожалей об этом». Не пожалей... Вот что было странно... А потом он повесил трубку.

Эмма задумалась.

— Не знаю, — медленно произнесла она. — Папа действительно иногда волнуется. Думает, что ты себя перетруждаешь. Ну и, конечно, ему неинтересно с мальчишками, вот почему он так редко сюда приезжает.

Над домом появились вертолеты.

Один из них летел так низко, что из-за шума стало невозможно разговаривать дальше.

— Смотри, — почти прокричала Мад. — Кажется, он хочет приземлиться.

Вертолет, опустившись к вспаханному полю, пролетел над изгородью и завис над пастбищем, начинавшимся за садом вдоль дороги. Он постепенно снижался, паря будто ястреб, — винты крутились, шум стоял оглушительный, — а затем очень медленно сел на землю в центре поля. Несколько минут лопасти вращались по инерции, затем остановились. Открылся люк, и из вертолета вышли шесть или семь человек.

— Они идут к нам, — сказала Эмма.

Двое солдат пошли через поле к дороге. Они перелезли через

проволоку и пересекли лужайку, направляясь к калитке. Эмма с беспокойством взглянула на бабушку. Хорошо еще, что она не в кепке, — по крайней мере, не так сильно напоминает Мао. Вообще-то, сейчас, когда ее седые волосы зачесаны наверх, она выглядит очень даже неплохо. Даже внушительно. С другой стороны, лучше бы она оделась во что-нибудь более подобающее своему преклонному возрасту — в приличную юбку и шерстяную кофту, лучше голубую, а не в эту робин-гудовскую куртку с кожаными рукавами.

— Что будем делать? — спросила Эмма.

— Сыграем с листа, — ответила Мад.

Вдвоем они вышли на крыльцо, так же как утром, а двое солдат, пройдя через калитку, зашагали по

дорожке.

— Офицеры, — прошептала Мад,
— это сразу заметно.

Солдаты, или офицеры, остановились и отдали честь. У одного из них, по мнению Эммы, была типичная внешность военного: лицо длинное, щеки впалые, под фуражкой видна седина. Спутник его был моложе — круглолицый, с улыбочивыми голубыми глазами. Он больше поглядывал на Эмму, чем на бабушку, и Эмма приняла это как должное. Заговорил тот, что постарше:

— Полковник Чизмен, мэм. Морская пехота США. Со мной лейтенант Шермен.

Мад не оценила церемонию представления гостей и не подумала назвать ни себя, ни Эмму. Она сразу взяла быка за рога:

— Полагаю, вы пришли извиниться за собаку?

Полковник Чизмен ответил удивленным взглядом:

— Какую собаку, мэм?

— Отряд ваших людей, — сказала Мад (а Эмма подумала, что слово «отряд» уместно только в фильмах про ковбоев), — отряд ваших людей сегодня рано утром проходил по этому полю, и один из солдат намеренно выстрелил и убил исключительно ценную собаку — колли с соседней фермы, убегающую от них со всех ног, насмерть перепуганную диким ревом вертолетов. Эту сцену наблюдали маленькие дети, живущие в моем доме. Они пережили глубокое потрясение.

Офицер выглядел немного растерянным.

— Займитесь этим происшествием, лейтенант, — велел он своему спутнику. — Мне крайне печально, мэм, слышать о ваших

неприятностях. Мы проведем разбирательство по поводу этого происшествия, о котором я ранее не был информирован. Но причина моего прихода совершенно иная.

— Слушаю вас, — произнесла Мад.

— Слышали ли вы сообщение по радио?

— Нет, я смотрела телевизор. Я хорошо знаю адмирала Джолифа. Он несколько раз приезжал сюда в гости.

— Хорошо, мэм, тогда мне будет легче попросить вас об одной услуге. К вашему дому примыкает конюшня, не так ли?

— Да, это так.

— Мы хотели бы, с вашего согласия, воспользоваться ею на двадцать четыре часа или, может быть, чуть дольше, в зависимости от ситуации, которая, без сомнения, должна

стабилизироваться очень скоро.

Полковник Чизмен говорил очень вежливо, даже почтительно, но твердым тоном.

— Вы хотите сказать, что вам нужно реквизировать конюшню? Выбора у меня нет, я полагаю.

Полковник Чизмен кашлянул:

— Ну это вы перегибаете палку, мэм. Мы не доставим никаких неудобств ни вам, ни вашей семье. Это необходимо для обеспечения связи, и в этом здании будет временный пост, во главе с лейтенантом Шерменом.

— Понимаю.

Полковник явно не чувствовал в ее словах одобрения. Молодой офицер взглянул на Эмму, на лице его читалось сожаление. Девушка нервно улыбнулась в ответ.

— В конюшне нет телефона и только одна электрическая лампочка, — сообщила Мад. —

Рядом гараж, где я держу машину. В конюшне хранится навоз, так что, если ваши солдаты собираются там ночевать, им нужно быть осторожней. Спать на нем не очень удобно.

Эмме представилось вдруг, как десятки американцев начнут ходить к ним с просьбой пустить их в ванную или умолять Дотти постирать им белье.

— Не беспокойтесь, мэм, благодарю вас, — успокоил полковник Чизмен. — У нас есть соответствующее снаряжение.

— Понимаю, — повторила Мад.

— Я уверен, — продолжал полковник Чизмен, впервые попробовав изобразить улыбку, получившуюся более похожей на гримасу, — что, услышав о вашей неоценимой помощи, ваш друг адмирал Джолиф будет вам, так же как и я, премного благодарен.

— Полагаю, адмиралу Джолифу, так же как и мне, придется сделать то, что ему скажут.

С полковника слетела вся любезность. «Мад допускает непоправимую ошибку, припирая его к стене, из этого ничего не выйдет, кроме неловкости, — подумала Эмма, — ведь все было так вежливо, дружелюбно, а теперь они реквизируют дом, а нас переселят в конюшню».

— Мэм, у нас общее дело, — ответил полковник Чизмен. — Наши войска действуют совместно с вашими — вы же слышали сообщение по телевидению. Как только отпадет необходимость обеспечивать вашу безопасность, безопасность ваших сограждан, чрезвычайное положение мгновенно будет снято. Не буду вас более задерживать. До свидания.

Офицеры отдали честь, но, когда

они отвернулись, Мад сделала ужасную вещь — она всегда так вела себя с продавцами, с любителями автографов, со всеми, кто ее раздражал: она говорила о них вслух что-нибудь унижительное, не отойдя еще достаточно далеко, чтобы ее не услышали.

— Индюк надутый, — сказала Мад чересчур громко и отчетливо. Эмма покраснела и скрылась в доме, а бабушка осталась стоять у входной двери, пока американцы не прошли через калитку. Потом она вернулась в дом.

— Позови Джо, милая, — попросила она Эмму, — пусть он выведет машину и поставит ее под окнами кухни.

Эмма позвала Джо, который без усталости колот дрова в подвале. Джо поднялся по лестнице, ведущей в холл, за ним показался Терри. Мад кратко рассказала о происшедшем, и

Джо мигом отправился выполнять ее поручение. Терри остался стоять, глаза его возбужденно блестели.

— А мне что делать? — спросил он. — Давайте я вывинчу пробки в конюшне и перекрою там подачу воды?

— Нет, — задумчиво произнесла Мад. — Они разберутся, что к чему. К тому же у них полное самообеспечение. Лучше сделай вот что. После того как Джо перегонит машину, иди к конюшне, дождись их прихода и, используя весь свой шарм, скажи, что готов оказать любую помощь. Но не переигрывай. Попробуй узнать, что у них творится.

— Хорошо.

Терри исчез так же быстро, как и Джо, а Мад пошла на кухню, Эмма за ней.

— Дотти?

— Да, Мадам.

Бывшая костюмерша Мад, которая только что закончила убирать посуду в моечную машину и уже накрыла стол для следующей трапезы, повернула к ним раскрасневшееся усталое лицо.

— Дело идет к тому, что американские солдаты раскинут лагерь в конюшне, — объявила Мад.
— Их вертолет только что приземлился на выпасе.

— Боже мой, — ужаснулась Дотти. — Как нам управиться со всеми? Их надо будет напоить чаем? А одеяла? Наших не хватит.

— Дотти, что ты несешь! У них все свое. Неприкосновенный запас, или что там такое есть у солдат: матрасы, полевые телефоны, радио, все что угодно...

Мад размахивала руками, пожимала плечами. Можно было подумать, что она в полном восторге от такой ситуации. Все

мальчишки разошлись по своим комнатам — все, кроме чернокожего Бена, разыскивавшего какие-то крошки под кухонным столом.

— Слава тебе господи, — обрадовалась Дотти. — Мы бы не смогли накормить толпу солдат. Из-за этого чрезвычайного положения булочник так и не заехал, а у нас кончился хлеб. Что давать ребятам на полдник, и не знаю.

— Дай им бисквит, — предложила Мад.

«Призрак Марии Антуанетты», — подумала Эмма.

— Вот что, Дотти, милая, — сказала Мад, — иди и отдохни, ты выглядишь измученной. День ужасно утомительный, и он еще не закончился, дальше, может, будет еще хуже. Я испеку мальчикам кекс и напою их чаем. Найди мне миску, побольше муки, масла и сахара, вот